

Управление Федерального Канцлера.

Давид и Хелен Абрамс

Федеральному канцлеру

Габалхорст 10

Ангеле Меркель

32339 Эспелькамп

Вилли-Брандт-Штрассе, 1

10557 Берлин

Эспелькамп, от 28.07.2019

Уважаемая госпожа канцлер Меркель,

Уважаемые дамы и господа,

я, Давид Абрамс и моя жена Хелен Абрамс, урожд. Бергман, проживающие по адресу Габельхорст 10, 32339 Эспелькамп, клятвенно заявляем, что все то, что мы вам здесь описываем, соответствует истине.

Мы обращаемся к вам потому что мы больше не можем видеть несправедливость, которой подверглись наша дочь Хелен Абрамс и наш единственный внук Адриан Юнгблут в течение почти десятилетия.

Чтобы вы знали, кто мы такие, небольшой экскурс в наши биографии:

Нам 79 и 77 лет, академики (инженер-строитель и микробиолог), у нас самих было очень плохое детство — нам обоим из-за наших еврейских корней пришлось пройти через нацистское время, военные беспорядки и их последствия и познать, что это значит навсегда потерять своих родителей, братьев и сестер, либо полностью потерять или быть разлученными с родителями на долгое время, отобранными из родного дома.

Депортация, концлагеря, голод, очень долгая борьба за выживание. Раны того времени до сих пор не очищены. Каждое маленькое воспоминание сегодня все еще причиняет такую же боль, как и 74 года назад.

Именно поэтому обе наши дочери выросли в любви и безопасности. Младшая, Хелен, которой сейчас 47 лет, с детства была очень целеустремленной, решительной и ответственной, в 12 лет она была убеждена, что хочет изменить мир к лучшему и работать с детьми. Она никогда не отказывалась от этой цели, она несколько десятилетий проработала учительницей. Работа с детьми - ее призвание. Одна из ее племянниц, наша первая внучка, назвала свою тётю примером для подражания и тоже стала учительницей. Тем самым она продолжает старые традиции ученых в нашей семье.

Спустя 43 года мы вернулись в Германию, потому что мы больше не чувствовали себя в безопасности в Советском Союзе, в который нас депортировали во время войны. Нам там угрожали из-за нашей национальности и религии. Уже 31 год мы теперь живем здесь, в Германии.

И уже десять лет мы чувствуем, что вернулись обратно в старую нацистскую Германию.

Почему?

Мы возлагали все наши надежды на новую Германию, мы думали, что здесь мы в безопасности и можем здесь спокойно жить, работать и видеть в старости, как растут наши внуки.

Эти наши надежды были разрушены ударом одного человека - Уве Юнгблута, который тогда женился на нашей дочери. С тех пор наша жизнь похожа на фильм ужасов.

Хелен вышла замуж за У. Юнгблута, потому что она поверила всей его лжи, всему, что он рассказал ей и всем другим людям о себе. Сразу же после официального заключения брака выяснилось, что У. Юнгблут всех обманул и вовсе не тот человек, за которого себя выдает. Он солгал о своей семье, своем образовании, отсутствии долгов и своей работе - то есть, не сказал ни слова правды. Как Вы думаете, каково было нашей семье, особенно Хелен, когда мы увидели, что это мошенник.

Вскоре после свадьбы он стал еще и жестоким, так что нашей дочери часто приходилось бежать от него. Не только к нам, но также к родственникам, друзьям и даже в женский приют. У. Юнгблут нам угрожал и унижал нас, значительное приданное, а также сбережения нашей дочери были потрачены в одно мгновение.

Но самым худшим для нас было то, что У. Юнгблут убеждал нашу беременную дочь сделать аборт. Он сказал, что женился на старой еврейской служанке не для того, чтоб иметь с ней детей (перед бракосочетанием он, конечно, говорил по-другому). Наша дочь хотела покинуть этого деспота уже через 2 месяца после свадьбы, но он постоянно пугал ее и оказывал на нее давление - уже тогда мы все знали, что У. Юнгблут способен на все, по нашему мнению, он - опасный психопат и очень хороший актер, который очень быстро может усыпить бдительность любого человека.

Потом родился Адриан, до этого наша дочь уже несколько месяцев не жила с мужем. Рождение ребенка он использовал тогда, чтобы снова пробраться в дом нашей дочери. Достаточно было крошечной мелочи и он снова и снова жестоко обращался с нашей дочерью. Мы были бессильны против этого; правосудие вмешалось только через пять лет - и очень мягко.

Кто из нас мог догадаться, когда мы въехали в Германию 31 год назад, что с евреями здесь по-прежнему обращаются, словно они не имеют каких-либо прав?

После 14 месяцев брака наша дочь, наконец, рассталась со своим мужем, потому что она снова пострадала от тяжелейших травм, которые он ей нанес; снова попала в больницу. Наша дочь смогла защитить нашего внука Адриана своим телом, бросившись между ее мужем и Адрианом, когда тот бросился на него. У. Юнгблут был взят под стражу. Мы заботились об Адриане до тех пор, пока наша дочь не вернулась из больницы. Мы можем перечислить десятки актов насилия (психологического, физического или финансового), которые У. Юнгблут совершил по отношению к нашей любимой дочери за время брака.

Нам тоже угрожали. Я, Давид Абрамс, в результате этих ужасных действий и жестоких оскорблений со стороны У. Юнгблута даже пострадал от инсульта, после которого мне пришлось долго восстанавливаться.

После развода У. Юнгблут продолжал преследовать нашу дочь, шпионил за ней, даже когда она была у нас, угрожал ей ужаснейшими вещами. У него было судебное предписание, но он никогда не придерживался его. Власти от этого отвернулись. Мы часто были в доме нашей дочери и должны были беспомощно наблюдать за всеми мучениями. У. Юнгблут даже звонил в квартиру нашей дочери несколько раз в течение ночи, после чего Адриан часами не мог успокоиться.

Но потом стало еще хуже:

Отдел социальной защиты молодежи не поверила нашей дочери, сразу оказался на стороне отца.

Адриану, который был еще маленьким, потом пришлось регулярно бывать у отца, хотя мальчик этого не хотел. После этого ребенок всегда был тревожным, имел поведенческие проблемы, заболел. Очень часто Адриан возвращался с травмами, полученными от отца, которые были также зафиксированы нами с помощью фотографий и дневниковых записей. Мы можем засвидетельствовать каждый из этих случаев, также как и другие родственники и друзья.

Адриан постоянно рассказывал нам, что его отец говорит ему, что именно так надо обращаться с детьми и женщинами и что если Адриан скажет это кому-нибудь еще, мама будет убита. Адриан рассказывал нам, как его отец говорил о нашей дочери ужасные вещи, в которых не было ни слова правды. Адриан всегда был в большом замешательстве и много плакал. Он также всегда ужасно боялся говорить об побоях, которые получал от отца. Адриан сказал, что его отец пригрозил ему, что он сначала убьет его, потом маму, а потом и себя, если мальчик что-нибудь сболтнет. Иногда потом Адриан молчал неделями, после каждого посещения отца он целый день проводил постели, мы все страдали вместе с ним.

И надеялись, что справедливость когда-нибудь победит, что суд и отдел социальной защиты молодежи наконец увидят, что он делает с нашим внуком и нашей дочерью, но с каждым днем становилось все хуже.

Не странно ли, отдел социальной защиты молодежи тогда ничего не предпринял?

Как может быть молодежное ведомство настолько слепым?

Как может суд просто верить тому, что предполагает отдел социальной защиты молодежи без доказательств?

Поскольку никаких других объяснений нет, мы думаем, что это связано с нашим еврейским происхождением.

Затем наступил ужасный 2014 год. У. Юнгблут начал пробовать новый трюк и действительно мучил Адриана. Он не давал Ади лекарства, когда был с ним, маленький мальчик тяжело заболел, врачи сказали, что скоро он не сможет слышать. Несмотря на это, отец не дал ему лекарство.

Почему отдел социальной защиты молодежи тогда ничего не сделал? Наша дочь всегда сообщала об этом сотрудникам.

Как можно отправить ребенка к отцу, если он намеренно не дает ему лекарства?

Поскольку У. Юнгблут не был наказан даже в этом случае, он продолжил вести себя подобным же образом - мучил и избивал Адриана, он также «пообещал» моей жене, г-же Хелен Абрамс, сделать все возможное, чтобы превратить жизнь нашей дочери в ад.

Адриан всегда говорил нам, что, когда наблюдатели из отдела социальной защиты молодежи были там, отец всегда был хорошим, а не так, как когда ни одной наблюдательницы не было. В конце июня 2015 Адриан рассказал нам, что, когда наблюдательница была во время его посещения отца, он сказал отцу, что того за его злое поведение Б-г накажет, тогда отец вскочил и сказал, что прикончит его.

Мы были очень впечатлены, мы особенно волновались за Адриана, надеялись, что теперь наконец ребенка не будут посылать к отцу.

То, что произошло после этого, стало адом на земле:

Через несколько дней Адриана отобрали у нашей дочери и четыре недели продержали в приюте. Ее лишили опеки над сыном.

Почему?

Мы до сих пор не понимаем! Для этого не было никаких оснований!

Отдел социальной защиты молодежи и суд тогда написали, что "родители ссорятся".

Когда наша дочь поссорилась?

Она сделала для мужа все, чтобы он был спокоен, но не получилось, он все равно сорвался.

Если кто-то сорвался, то надо изолировать этого безумного человека, а не забирать ребенка от матери.

Обладая здравым смыслом, никак невозможно понять, почему тогда произошло именно так.

Затем наша дочь, самый уравновешенный человек, которого мы знаем, была названа отделом социальной защиты молодежи психически больной. Так просто. Она даже не могла защитить себя от этого.

Потому что отделу социальной защиты молодежи в Германии разрешено всё.

Вероятно, люди из отдела социальной защиты молодежи не нашли никаких недостатков в Хелен и должны были изобрести их, чтобы снова забрать Адриана в декабре 2016 года.

С тех пор прошло 959 дней.

С тех пор нам больше нельзя видеть нашего единственного внука.

Мы не должны ему писать, так же как и звонить по телефону.

Время от времени наша дочь приносит нам фото и видео о посещениях Адриана и его письма. Адриан жалуется на то, что не может нас видеть, что мы не можем приходить на праздники, что нам не позволено позвонить и написать.

Почему?

Этот вопрос наша дочь уже часто задавала отделу социальной защиты молодежи. В протоколах молодежной службы мы читаем только: "Нет, нет, нет". Без обоснования.

И это также невозможно понять, обладая здравым смыслом.

Как должен расти наш внук?

Уже в течение 959 дней, которые я, как бабушка, отмечаю каждый день в календаре, Адриану не разрешают жить согласно нашим традициям и религии.

Должен ли наш внук таким образом забыть свои корни?

Теперь наша дочь сказала нам, что Адриан должен покинуть приют и переехать к отцу из-за тех причин, из-за которых он в этот приют попал.

Если бы отец не подвергал ее насилию, наша дочь не попала бы в больницу из-за этого, не было бы необходимости вызывать полицию, и, прежде всего, отдел социальной защиты молодежи не попал бы в семью, что затем обернулось против жертв (наша дочь и ее сын).

У. Юнгблут был инициатором прихода в нашу семью службы социальной защиты молодежи, а не наша дочь!

И снова: здравый человеческий рассудок оказался выброшенным на обочину.

Почему процессуальные работники и суды никогда не общались с нами? Разве это не их работа?

Почему отвергается все, что служит истине?

После стольких причин несправедливости, причиненной нашей семье, мы видим здесь только эти причины:

У. Юнгблут - очень хороший актер, он очень хорошо умеет обманывать, он немец, он имеет довольно обширные связи в Эспелькампе, а так же пользуется ими.

И все это не имеет значения для отдела социальной защиты молодежи, приюта и суда, они выбрали нашу дочь жертвой, на которой можно потоптаться и унижить. Совершенно безнаказанно.

Почему такой порядочный человек, как наша дочь, которую все любят и уважают, и которая является лучшей матерью, которую только можно пожелать, изображается как лгунья и преступница?

Потому что она осмелилась бросить жестокого немца и рассказать все о нем?

Потому что у нее еврейские корни? Потому что она не здесь родилась?

Наша дочь прекрасно может работать с детьми: дети, которых она знает, поддерживают ее. Все родители детей из двух детских садов и начальной школы Адриана, которые все ещё наши соседи, всегда были очень довольны тем, как наша дочь обращалась с их детьми. Они без раздумий доверяли ей своих детей. Точно так же родители ее учеников. Наша дочь всегда показывает нам письма, которые ей пишут ее ученики и их родители. Разве этого всего недостаточно?

Почему до сих пор никто не удосужился опросить окружение нашей дочери?

Почему никто не учитывает высокую оценку ее преподавания в школе?

Потому что это не вписывается в систему?

Потому что тогда пришлось бы сомневаться в лживых утверждениях У. Юнгблута?

Мы прочитали все, что он собрал о нашей дочери и о нас в отчете Мёрле.

Почему эта Мёрле даже не поговорила с нами? Мы бы все переиграли.

Существует только один ответ: потому что это не вписывается в материалы по делу.

Мы целеустремленные люди, борцы, которые никогда не теряют надежды.

Мы больше не готовы мириться с несправедливостью и преступными действиями, которые были совершены в отношении нашей дочери и единственного внука сотрудниками отдела социальной защиты молодежи, приютами, адвокатами и судами в течение почти 10 лет.

Процессуальные адвокаты и суды будут привлечены к рассмотрению.

Здесь мы можем сказать только одно:

Если нашему единственному внуку Адриану придется перейти к отцу, которого мы описали, мы будем с этим бороться.

Мы выступаем против того, чтобы с Адрианом обращались, как с бесправным. Адриан никогда хотел ничего иного, кроме как жить со своей матерью. В прошлом году ему разрешили видеть мать ровно 6 раз в течение нескольких часов с наблюдением

Теперь отдел социальной защиты молодежи передал Адриана отцу без наблюдения со своей стороны- и дело уже идет так, хотело бы и молодежное ведомство и отец. Адриан якобы сказал, что не хочет видеть свою мать.

Чем должен пригрозить Адриану его отец, чтобы он так сказал?

Тем же, что и раньше - что убьет его мать?

Мы, бабушка и дедушка Адриана Юнгблута, решительно выступаем с помощью этого письма против несправедливости, с которой столкнулись наша дочь Хелен Абрамс и наш внук Адриан.

Наша дочь Хелен Абрамс была и остается очень отзывчивым, честным человеком, который неспособен аже на малейшую ложь. Ее ребенок лучше всего воспитываться у неё.

Мы настоятельно просим вас рассмотреть этот вопрос с целью обеспечения права в этой стране и принять меры против несправедливости, которой подвергаются наша дочь и внук.

Мы будем молиться Всевышнему каждый день до последнего вздоха и бороться за то, чтобы наш единственный внук был в том месте, которому принадлежит - в доме нашей дочери.

С наилучшими пожеланиями

Эспелькамп, от 28.07.2019

/подпись/

/подпись/

Хелен Абрамс

Давид Абрамс